Еще десять лет назад такие большие гастроли (с 21 октября по 12 ноября) ленинградского театра в Москве назвали бы отчетом. Впрочем, десять лет назад никто бы Малый драматический в столицу не позвал. Несмотря на то, что режиссер, ставший во главе театра в 1983 году, был театральной Москве известен (по "Кроткой" с Олегом Борисовым и "Толоколовым" с Иннокентием Смоктуновским). Собственно, и сегодня это отчет, ставший необходимым, поскольку уже несколько лет из столицы доносятся голоса: "Из-за границы не выезжают, в Питере почти не бывают, до Москвы не снисходят". Складываются легенды, мифы. Кажется, только песен еще не сложили. Поэтому надо отчитаться, показать товар лицом.

Спасительная сцена

Елена АЛЕКСЕЕВА

Пункт 1. *Репертуар*

За отчетный период МДТ поставил более двадцати спектаклей. Из них русской классики – 4 (в том числе "Муму", "Бесы", "Вишневый сад"), мировой классики – 4 (в том числе "Разбитый кувшин", "Любовь под вязами", "Повелитель мух"). Таким образом, основное внимание театр уделил советской литературе и постсоветской драматургии (Ю.Абрамов, Е.Шварц, А.Володин, А.Гельман, А.Галин, А.Червинский, Л.Петрушевская, Л.Разумовская, Л.Улицкая, В.Ерофеев, С.Каледин и другие).

На фоне всеобщего безразличия театра Петербурга к образу нашего современника, повального увлечения Шекспиром и Островским пример МДТ представляется положительным и заслуживает всяческого поощрения (Хотя бы в форме гастролей в Москве).

Пункт 2. *Труппа*

До 1 августа одна года труппа МДТ состояла из 47 артистов, 10 из которых служат в театре более 15 лет (опытнейшие из ветеранов – Евгения Аркадьевна Барканн – работает на этой сцене больше 30 лет, первые шаги в искусстве делала еще студенткой в мейерхольдовском "Маскараде"). Самые юные артисты, занятые в спектаклях "Бесы", "Братья и сестры", "Звездный мальчик", в штате не состоят. Их возраст – от 5 до 14.

Большую часть труппы составляют выпускники Ленинградского театрального института (ныне – Академия театрального искусства). Среди них лауреаты Государственной премии СССР Наталья Акимова, Татьяна Шестакова, Сергей Бехтерев, Николай Лавров, Петр Семак, заслуженные артисты России Сергей Власов и Игорь Иванов, а также родные звезды, обожаемые лишь мировой славой и премиями международных фестивалей, такие, как Анжелика Неволина, Мария Никифорова, Татьяна Рассказова, Наталья Фомина, Сергей Козырев, Сергей Курышев, Николай Павлов, Игорь Скляр, и другие.

1 августа сего года труппу пополнил большой отряд стажеров – 18 выпускников актерско-режиссерского курса Л.Додина, известных в мире спектаклями "Гедеамус" и "Клаустрофобия", а в труппе – коллективными набегами в закулисный буфет.

Пункт 3. *Руководство*

Лев Додин, народный артист России, лауреат Государственных премий России и СССР, профессор, руководящий кафедрой режиссуры Академии театрального искусства. Не состоял, не участвовал, не привлекался. По словам дирижера Клаудио Аббадо, к которому осуществил постановку оперы Рихарда Штрауса "Электра" (Зальцбург, 1995), – "один из величайших режиссеров современности".

Пункт 4. *Соавторы*

Ни один спектакль театра не появился бы на свет, если бы у Додина не было таких профессиональных и талантливых помощников, как Валерий Галендеев, Николай Александров, Валерий Звездочкин, Юрий Хомутянский. О своих педагогах по сцен-движению, речи, вокалу, танцу молодые актеры могут сказать так же, как Додин говорил о Б.В.Зоне: "Он не просто воспитывал, он создавал нас". Педагогическая работа ведется начиная в классе, продолжается ежедневно, не каждый репетиции, в каждом спектакле. Это одна из причин того, что спектакли МДТ не разваливаются. Они живут и меняются вместе со временем, вместе с театром.

Среди соавторов спектаклей: режиссер Владимир Туманов, композитор Олег Каравайчук, художники Эдуард Кочергин, Алексей Порай-Кошиц, завлит Михаил Строкин.

Пункт 5. *Национальность*

Да, как отвечает в таких случаях Жванецкий. Сами артисты в свое время сочинили на эту тему частушку и пели на юбилее Федора Абрамова: "Ты такой предельно русский в каждом проявлении, пред тобой Толстой и Чехов кажуться евреями".

Пункт 6. *Родственники за границей*

Среди родственников по духу следует назвать Питера Брука и интересаро Пятрика Сомье. Среди наследников по прямой – Ивана Селезнева и Максим Леонидов (Израиль). Антон Куэнцев (Франция).

Пункт 7. *Примкнувшие*

Вот уже три года в спектаклях МДТ выступает народный артист СССР, лауреат всех возможных премий, Герой Социалистического Труда, "национальное достояние России", артист Большого драматического театра Евгений Лебедев. Начав с роли Кабота в "Любви под вязами", быстро нашел общий язык с труппой. Роль чеховского Фирса играет и в своем родном театре, и в МДТ. Можно сказать, что играет двух разных людей. И место занимает разное, в одном спектакле просто старый слуга, в другом – душа усадьбы Раневской, добрый домовой. С его появлением на сцене, собственно, начинается додинский "Вишневый сад", его уходом из жизни – завершается.

Пункт 8. *Секретный (перед прочтением сжечь)*

Популярен в народных массах, особенно среди студенчества. С критикой отношения сложные, она, видимо, из народа вышла. Пристальные другие за всцвернем Малой драмы в Европе следит Джордж Стрелер. Ревнует. Бросает фразы вроде: "Чехова Додин поставил так же, как я. Только наоборот. У меня все было белое, а у него черное". Или: "Все говорят, что снег на сцене придумал Додин. Но я придумал: раньше, еще в "Каменном поле"!" Старик Стрелер даже не подозревает, насколько он близок к истине: снег, впервые появившийся в студенческих "Братьях и сестрах", был в ведре принесен ребятами со сцены ДК Первой пятилетки, где закончились гастроли "Пикколо театро ди Милано".

Что касается черного цвета, то правильный ответ знала только чеховская Маша: "Это траур по моей жизни." А поскольку режиссер не отделяет своей жизни от нашей, то черное небо без намека на рассвет появилось в его спектаклях из той самой беспросветной жизни, в которой мы так прочно обосновались, что не отдаем вряд ли годи. Полезвоенная северная деревня Пекашино столь же невесела, как и дореволюционное имение помещицы Раневской, которой все время мерещится, что "над нами должен обвалиться дом". Черным-черно было и в додинском спектакле "Любовь под вязами" – мощнейшем сказании, похожем на главу из Библии, где все слова и понятия, такие, как "отрасти", "сын", "отец", обретали первоначальный объем и смысл. Без солнца и небо над головой мальчишек, проведавших свои молодые годы в казармах и нужниках стройбата. И если на этом подвеляющем и угнетающем фоне у кого-нибудь порой прорываются к себе, находя позиро даже на дне примитивной прозы, то значит, не все потеряно, и эта заблуто-богом земля когда-нибудь дождется первых лучей солнца.

Впрочем, словно отвечая на упреки в мрачности, художник "Клаустрофобии" Алексей Порай-Кошиц, выстроил на сцене белый павильон. Здесь есть своего рода иронический умысел сродни шутке Кочергина, которому в свое время картинные начальники предложили перекрасить белые декорации к "Монологу о браке". "В каком цвете? – спросил художник. – В черный?"

Белый павильон "Клаустрофобии", по-вторяющий реальные объемы студенческой аудитории на Моховой, – словно белый лист Тайла газа, что дается каждому входящему в жизнь. Чистый, восхитительно многообещающий лист, который можно заполнить гениальными стихами, нотами или рисунками. Но герои спектакля, пришедшие из советской действительности и из русской литературы конца XX века, предпочитают пачкать стены бессмысленными кракулями и короткими сплсками, украшающими обычно забобы и поведенвную речь сограждан. Это и им тоже недостаточно, оттого белый павильон, где еще бродят тени Мандельштама и его сограждников по Ташкиевскому училищу, начинают безжалостно и бессмысленно разрушать из стен вылетают кирпичи, падают трубы, двери. Те, что Раневская предчувствовала и чему потакала, случилось. И сделал это не Петя Трофимов, не Лопахин, а дети и внуки Яши и Дуняши.

Спектакли "взрослой" Малой драмы отличаются от постмодернистских фантазий вчерашних студентов. Но сейчас уже трудно провести четкую границу (додинцы, как известно, границ не любят как политических, так и эстетических): это – психологический театр, а это – "тотальный". Приметы условно-метафорического языка есть и в "Братьях и сестрах", и в "Бесах", и в "Звездном мальчике" (последнюю премьеру МДТ, которую москвичи, к сожалению, не увидят).

"Гаудеамус" и "Клаустрофобия" представляются мне вариациями на темы "Бесов". Додин как-то объяснил свою "репертуарную политику", назвавши это *путешествие в особый*. К помощью Достоевского или с помощью Владимира Сорокина – второй вопрос: "В "Гаудеамусе" уже все вырублено, одна сменная пустыня осталась, в "Вишневом саде" еще рубят. Как бы мы глубоко ни падали – есть еще что вырубить и есть еще что сохранить".

Конечно, тогда речь не о внешних приметах, а о человеке. Его душа так хрупка, так подвластна алкоголю извне, что разрушить ее, искалечить, превратить все плюсы в минусы легко. Театру Додина важно, чем спасается человек. И он находит несколько постоянных, несущих конструкций. Одна из них – творчество. А поскольку для артистов эта тема кровно близка, то тут не требуется специальных лекций о роли искусства. Условный язык оперы, балета, обрядность стиха – все это понадобилось не само по себе, а как альтернатива примитивному одноколотечному существованию.

В "Клаустрофобии" навстречу друг другу идут два потока: разрушительный и созидательный. Первый связан с обществом, с бытием человека, второй – с искусством. Страдает сверх сил, "на разрыв аорты", тщится окультиор – герой Сергея Курышева – выправить, выпрямить людей. Но они падают набок, деформируются, не поддаются. Как тут не вспомнить Чехова, которым думают и разговаривают в МДТ вот уже несколько лет? Чебутыкин, помнится, тоже говаривал: "Гляди, какой я низенький. Это для моего утешения надо говорить, что жизнь моя высокая". Боится человек высоты. Боится чистого листа. Все бы ему уяснить себе и других, все бы ему пачкать. Но художнику в спектакле всетаки удается преодолеть эту тягу к земле в финале тот же актер играет композитора, написавшего Скиту ля-бемоль для фортепиано соль-диез. И пусть дирижер безрук, пусть музыканты – лишь бывшие виртуозы, музыка звучит, и сила ее превращает страшный костер из человеческих тел в пламень искусства. Который только один и способен, сверзив невозможное, пересилить косноязычие и немоту, убожество и жестокость "убиквистов".

Еще одна тема переходит из спектакля в спектакль – бездомность и поиски дома. Она началась с абрамовского "Дома". Она никуда не уходит, потому что не исчерпывается в жизни. Дурная коллективность бытия – в колхозе ли в очереди ли, в казарме или в кружке революционеров – разрушает человека, превращает в того самого "убиквиста", которого придумали Олег Дмитриев, Игорь Коняев и Игорь Николаев для "Клаустрофобии". Но раньше через это уже прошел Михаил Грослин, раздавленный деревенским "общественным мнением".

Герои "Бесов" многими смертями заплатили за шигалевские идеи, подхваченные метлом бесом Верховенским-младшим. В "Вишневом саде" герои тоже безсомны, последние приметы бывшего дома исчезают и фиеиуту, жизнь промелькнула в пыльных зеркалах – и нет ее.

Идею дома Додин пытается воплотить в принципах, на которых строит свой театр. И театр действительно становится для актеров, осветителей, костюмеров и рабочих сцены и смыслом жизни, и крепостью, которая от многого спасает. И от суеты, и от дилетантизма. Режиссер любит вспоминать фразу Гете: "Если бы сцена была шириной с цирковой канат, то нашлось бы гораздо меньше желающих по ней ходить". Сцена МДТ, видимо, именно такой ширины. Здесь нет плохих артистов. Здесь хорошо играют все без исключения. Это поражает еще десять лет назад в "Братьях и сестрах", это уже много лет удивляет в молодежных спектаклях, когда работа не только профессиональных как артисты, но и танцуют, и поют, и на музыкальных инструментах играют мастерски.

Как и в любом театре здесь есть счастливчики, чья актерская судьба складывается гладко, во всем совпадая с движением репертуарной линии. Есть и те, кому не удалось еще сыграть своей звездной роли. Мы видим Игоря Скляра в блестящем этюде "Братья и сестры" и досадуем: сколько много он еще не сыграл. "Любовь под вязами" начинается репетицией, и мы надеемся, что тем же, как в пьесе С"Ниле, Бигбу и Натальи Фоминой одна. Пауза длиною почти в десять лет образовалась между ролью Гедеона в "Муму" и ролью витязя в "Звездном мальчике" у Сергея Козырева. Игорь Иванов, заслуживший было не "Братьях и сестрах", в последние сезоны едрут совершил рывок и сыграл одну за другой несколько абсолютно неплохих ролей: Вальтера в "Разбитом кувшине", Лебядкина в "Бесах" и Лопахина в "Вишневом саде". Петр Семак, за которым было закреплено амплуа "мужчины" в "Братьях и сестрах" и в "Любви под вязами", получил роль Старобрыма, и в дни премьеры мало кто очень его полюбил. Прошло четыре года, актер сумел так много понять и прочувствовать в своем герое, что, того гляди, сама Мария Лебядкина примет его в мужья.

Николай Лавров, казалось, уже мог бы ходить в матерых мастерах, однако каждодневной работой доказывает, что не собирается уступать "младшим", если идут по восходящей, последние две – просто экстра-класс! Такого живого и трогательного Пищика мы никогда не видели. Неотразим и старший ангел в "Звездном мальчике", мудрый, грустный, нежный. Сергея Курышева любят даже сверлные питерские критики, два года подряд мы называли его лучшим актером года (за роль Кириллова в "Бесах" и Петя Трофимова), но и в студенческих спектаклях он – один из лидеров, на нем концентрируется смысл и "Гаудеамуса", и "Клаустрофобии". Неожиданно быстро догнал сокурсников-режиссеров Владимир Селезнев, недавно он заменил в "Гаудеамусе" Игоря Николаева, пять лет игравшего главную роль.

Нет, напрасно я затеяла разговор об актерах. Каждый из них заслуживает внимания. И те, кто в тени, и те, кто постоянно на виду. А так, мельком, говорить о таких мощных индивидуальностях, каких хватило бы на десяток-другой обычных театров, неправильно. В своем отчете я успела лишь бегло назвать некоторые имена. Хочется верить: после гастролей в Москве они уже не будут для вас чужими.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

- *На берегах Невы.*
- *"Гаудеамус". Сцена из спектакля.*
- *"Бесы". Ставрогин – П. Семак, Мария Лебядкина – Т. Шестакова.*
- *"Вишневый сад". Варя – Н. Акимова, Раневская – Т. Шестакова, Аня – Н. Соколова.*
- *"Братья и сестры". Сцена из спектакля.*